

Константин Леонтьев

Национальная политика как орудие всемирной революции

Константин Леонтьев

**Национальная политика как
орудие всемирной революции**

«Public Domain»

1888

Леонтьев К. Н.

Национальная политика как орудие всемирной революции /
К. Н. Леонтьев — «Public Domain», 1888

«...мысль моя о разрушительно-космополитическом значении тех движений XIX века, которые зовутся «национальными», мне самому давно уже казалась столь поразительною, что я в известном вам сборнике моем («Восток, Россия и Славянство») не счел и нужным даже подробно ее развивать. Я полагал, что и так она всем будет понятна, – стоит только указать на нее. Однако в этом я ошибся, как видно. Оказывается, что нужно больше фактов, больше примеров...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Константин Леонтьев

Национальная политика как орудие всемирной революции^{1}

Письма к о<тцу> И. Фуделю

Qui bene distmguit bene medetur^{2}

I

Все то, о чем я здесь буду писать, самому мне давно уже ясно. И ясность эта, прибавлю, до того печальна, что я счел бы за счастье ошибиться. Я праздновал бы великий праздник радости, если бы сама жизнь или чьи бы то ни было убедительные доводы доказали бы мне, что я заблуждаюсь. Боюсь, однако, что я останусь правым... Боюсь, как бы история не оправдала меня... Я говорю, что эта мысль моя о разрушительно-космополитическом значении тех движений XIX века, которые зовутся «национальными», мне самому давно уже казалась столь поразительною, что я в известном вам сборнике моем («Восток, Россия и Славянство») не счел и нужным даже подробно ее развивать. Я полагал, что и так она всем будет понятна, – стоит только *указать* на нее. Однако в этом я ошибся, как видно. Оказывается, что нужно больше фактов, больше примеров.

Я понял это из вашего ко мне последнего письма. Вы пишете мне так:

«... Необходимо прежде устранить некоторые задерживающие мою мысль препятствия. Так, например, на стр. 106-й I т. вашей книги встречаемся с такою мыслью: «Идея национальностей в том виде, в каком ее ввел в политику Наполеон III, в ее нынешнем модном виде, есть не что иное, как тот же *либеральный демократизм*, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада». Вы очень часто высказываете эту же мысль, но опять-таки везде так же сжато и *кратко*. И эта мысль мне очень симпатична. Я чувствую, что она истинна, но только чувствую это, а не понимаю логически, ибо вы не даете никакого ключа к уяснению ее. Очень часто я обдумываю эту мысль, придумывал несколько гипотез в объяснение ее, но задачи все-таки не решил и поэтому обращаюсь к вам с просьбой о помощи. Почему именно можно сопоставить вместе идею национализма и либеральный демократизм, когда по-видимому они так противоположны: демократический процесс равняет все разнородное, упрощает его, а национализм обособляет разнородное, разъединяет разные народности. По-видимому это так, но я чувствую, что в сущности тут одно стремление к смешению и слиянию. Почему же?»

Я хотел было ответить кратко на эти ваши вопросы, но это оказалось невозможным. Я не мог удержаться. Обилие фактов, подтверждающих мою грустную мысль, до того велико, что одни только они, эти факты (как вы увидите), почти без рассуждений потребовали не письма, а целой статьи.

Вы хорошо сделали, однако, что предложили мне все эти вопросы. Без вашего письма едва ли бы мне пришло когда-нибудь на ум взяться за этот труд. Я благодарен вам за этот неожиданный толчок. В мои года писать прямо и преднамеренно для печати – какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если *не ощущать* ежедневно своего влияния?

Когда *есть охота*, когда *пишется* – прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о том-то и том-то – и это хорошо! Может быть, даже это и лучше.

Не говорите мне о «долге» или «пользе» общей! Для этого опытному человеку нужна та *иллюзия*, которую может дать только большой, невольно возбуждающий нас успех... Не говорите также по этому поводу и о христианстве. *Долга своевольной* индивидуальной проповеди христианство не признает. Церковь от верующего *такого* долга не требует: она, вы знаете, требует совсем иного, скорее противоположного. Не надо писателю-христианину воображать себя слишком полезным даже и тогда, когда его труды ни прямо, ни косвенно не противоречат церковному учению.

Значит – строгой религиозной *обязанности* писать политические статьи, даже и крайне консервативного духа, не существует... Простительно, положим, было бы увлечение; но для подобного увлечения нужна, повторяю, та иллюзия, которую может дать только огромная популярность. Подобной иллюзии у меня нет, вы это знаете. Ее и быть не может. Зачем же мне принуждать себя к писанию? Зачем твердить все то же? В России, которую мы с вами оба так любим, *в общем* дела теперь идут довольно хорошо. Признаков утешительных, обещающих все большую и большую независимость духа нашего от либерального (т. е. революционного) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажет будущее, которого мне уже *не увидеть!* Значит, если Богу угодно, обойдутся отлично и без нас. Если же Богу *не угодно*, чтобы все эти добрые (антилиберальные) начинания наши принесли в этом будущем богатые и прочные плоды, то что же мы-то с вами можем противу этого сделать, – особенно я, на краю могилы? Итак, в случаях подобных этому, у меня нет ни свыше предписанного долга, ни иллюзии.

Остается охота или неохота и – больше ничего! Не грех, конечно, писать о чем-нибудь в известном духе, не противном учению Церкви; но еще менее грех – молчать, когда никто не обращается к вам настоятельно с просьбой вразумления.

Было время – лет десять, пятнадцать тому назад, – я еще мечтал своими статьями сделать какую-то «пользу»... Я верил тогда еще наивно, что *я кому следует* «открою глаза»... Вспомните мои *пророчества* о болгарях и сербах. Я постоянно оправдан позднейшими событиями, но не своевременной людскою догадкой.

Теперь я разучился воображать себя очень нужным и полезным; я имею достаточно оснований, чтобы считать свою литературную деятельность, если не совсем уже бесплодной, то, во всяком случае, *преждевременной* и потому не могущею влиять непосредственно на течение дел.

«Провидению не угодно, чтобы *предвидения* уединенного (одинокого?) мыслителя расстраивали бы ход истории посредством *преждевременного* действия на слишком многие умы».

Вот почему, не обратись вы ко мне с вопросами, не пришло бы мне и в голову вернуться еще раз к этому, как мне казалось, уже исчерпанному мною вопросу о *непонятом значении и вредных плодах той племенной политики, которую обыкновенно называют национальной*.

Для вас же собственно, для людей молодых и начинающих жить, я готов писать с удовольствием. Я стал писать охотно, письмо разрослось в целый ряд писем... И вот – я решился напечатать их.

Быть может, вам, юношам, удастся то, что мне не выпало на долю, – удастся заставить себя не только внимательно слушать, но и *отчетливо понимать*.

Дай Бог! И для вас, *пока еще немногих*, но искренних и надежных молодых людей, я буду с радостью распространяться о том, о чем много и рассуждать бы, по-настоящему, не следовало, – до того все это ясно *по фактам*, по практическим результатам современной истории.

Ясно вот что:

«Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации».

У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один – *космополитический*.

Почему это так, не берусь еще сообразить...

Этот вопрос: *почему?* – вернее всего должен быть обращен к особой, не существующей, кажется, еще в отдельности науке, которую можно бы назвать *социальной психологией*. Я за подобное психологическое объяснение не берусь; я хочу здесь просто напомнить только в общих чертах, *как* все это происходило и происходит еще в наши дни.

Как это люди ищут одного, а находят постоянно совсем другое? Я намереваюсь начертить краткую политическую историю этого великого и почти всеобщего самообмана, но не берусь объяснять те внутренние душевные процессы (у главных ли политических деятелей нашего века или у целых тысяч и миллионов, ими руководимых) – процессы, которые могли бы дать ключ к уразумению этой не только странной, но даже страшной истории.

Для меня самого это остается самой таинственной психологической загадкой, которую разрешат только время и упорная, свежая мысль.

Политические *результаты видны*. Течение *событий ясно*, хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны...*

II

Первое по времени движение национального характера в XIX веке было греческое восстание 21 года. Правда, что сербы нынешнего княжества еще раньше греков восстали против султана, но и освобождение их было вначале весьма неполное, – и по шуму, и влиянию своему в Европе это движение было несравненно ничтожнее и бесследнее.

Я не стану говорить ни слова о долгой и геройской борьбе православных и полудиких в то время эллинов, – я полагаю все это достаточно известным.

Борьба была жестокая и неравная; она потребовала вооруженного вмешательства держав и завершилась Наварринской победой Европы над Азией, Забалканским походом Дибича и Адрианопольским миром в 29 году. Маленькая, *весьма оригинальная* тогда Эллада достигла ближайшей *национальной* цели своей. Не будучи еще в то время в силах объединить *все свое племя*¹ и освободить его из-под власти турок и англичан (на Ионических островах), эллины удовольствовались пока небольшим свободно-национальным государством в один какой-нибудь миллион. Но что же вышло? Большинство эллинофилов того времени ждали от этих возрожденных эллинов чего-то особенного в бытовом и духовном отношении. *Ждали и – ошиблись.*

Творчества не оказалось; новые эллины в сфере высших интересов ничего, кроме благоговейного подражания *прогрессивно-демократической Европе*, не сумели придумать. Как только удалились *привилегированные* турки, которые изображали собой нечто вроде чуждой аристократии в среде греков, кроме полнейшей *плутократической* и *грамматократической эгалитарности*, *ничего не нашлось*. Когда нет в народе *своих* привилегированных, более или менее неподвижных сословий, то богатейшие и ученейшие из граждан, конечно, должны брать верх над другими. В строе эгалитарно-либеральном неизбежно развиваются поэтому весьма подвижные и не имеющие преданий и наследственности плутократия и грамматократия^[3]. Новая Греция не могла тогда вынести Царя своей крови, – до того вожди ее, герои *национальной свободы*, страдали *демагогическою завистью*! Она, эта новая Греция, не вынесла даже *власти президента*

¹ Миллиона 4 или 5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

После публикации писем в «Гражданине» в 1888 г. работа К. Н. Леонтьева была издана отдельной брошюрой под заглавием «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1889). Однако, термин «национальная» вызвал ряд недоразумений, неосновательных обвинений автора и споров в печати. Поэтому К. Н. Леонтьев признал, что заглавие было «неудачно, неточно», и впоследствии в названии статьи своей рукой, зачеркнув слово «национальная», надписал «племенная», а сбоку сделал запись: «Или иначе озаглавить: «Культурное обособление и племенная политика».

2.

Qui bene distinguit bene medetur (лат.) – кто хорошо распознает болезнь, тот хорошо ее лечит.

3.

Грамматократия – власть образованных.